

Бойцы, чья боевой отвагой дышит грудь,
Мы в этот день, в канун зовущих нас решений,
Чьи цели ленинский предрекал нам гений,
В челе со Сталиным, чьей воли не согнуть,
*Клянемся превратить нам предстоящий путь
В путь триумфальных завершений!*¹

Как некогда Сталин у гроба Ленина от имени партии давал клятву верности, вспоминая заветы умершего лидера, так в 1934 г. Демьян Бедный давал аналогичную клятву, заверяя уже самого Иосифа Виссарионовича в том, что начатый путь — к социализму и коммунизму — непременно будет осилён. Тем самым поэт по существу уподоблял Сталина Ленину, который окончательно заместил «первобога большевизма» и сам стал таким образом большевистским «первобогом».

Пройдет два с половиной года, и Демьян Бедный откликнется на дело так называемого Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра, по которому проходили многолетние соратники Ленина — Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, объявленные убийцами С. М. Кирова и аттестованные поэтом как «наймиты фашистов». За три дня до расстрельного приговора бывших лидеров партии Бедный пишет обличительное стихотворение, в котором подчеркивает, что они «на Сталина убийц вели», но «не удалось дойти к нему бандитским рожам». Да и могло бы быть иначе?

*Мы Сталина уберегли.
Не убережь его — не можем!
Мы бережем его как голову свою,
Как сердце собственное наше!
Поймали мы змею, и не одну змею.
Зиновьев! Каменев! На первую скамью!
Вам первым честь — припасть губами к смертной чаше!*²

¹ Там же.

² Там же. С. 294–295.

Сталин: между мифом и реальностью

И. В. Сталин
Портрет работы П. Н. Филонова, 1936

Все-таки важно вовремя сказать правильное слово, в очередной раз подчеркнув исключительную, священную ценность сталинской жизни, ведь он — это «мы». В 1937 г., вспоминая в стихотворении о знаменитых июньско-июльских перелетах команд летчиков М. Громова и В. Чкалова, Демьян Бедный патетически восклицал:

Их славный подвиг гениален
В своей невиданной красе.
А кто их выпестовал? — *Сталин!*
А кто за *Сталиным*? — Мы — все!¹

Здесь говорится о Сталине уже не как о том, чье имя, как и Ленина, ассоциируется с партией настолько, что «подразумевает» партию, и наоборот. Здесь говорится о том, что он и есть «мы», то есть народ, идущий за вождем. Отделить «нас» от Сталина, равно как и его от «нас», невозможно. Мысль о полном единении вождя и народа, конечно, не нова и не оригинальна, но показательна и своевременна. Вскоре она будет обыграна в «Кратком курсе», заключительные слова которого оканчиваются цитатой из Заключительного слова вождя на мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

Завершая выступление, Сталин тогда сказал: «Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимы. И, наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, сын Посейдона (бога морей) и Геи (богини земли). Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил, этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки слабое место — это

¹ Там же. С. 13.

опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял его на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства»¹.

Сталин хорошо знал античную мифологию, и неслучайно именно его слова об Антее завершали официальное повествование об истории большевистской партии. Внимательно следившие за ходом развития политической жизни в СССР не могли не понять, что под мифологическим героем, олицетворявшим непобедимость благодаря своей связи со вскормившей его матерью-землей, следует понимать не только партию в целом, но и прежде всего самого Сталина, который и является носителем/хранителем «ключа непобедимости» большевистского руководства. Демьян Бедный раньше многих сумел это передать в стихотворной форме, воспользовавшись знаменитой историей перелетов славных советских летчиков. Он популяризировал миф, используя примеры из реальной жизни, использовал «по-простому», без обиняков. В этом, думается, и заключалась его сила как умевшего рифмовать лозунги «социалистического реалиста». За это умение его Сталин и ценил, несмотря на нарочитую грубость и максимализм в иных вопросах (например, при разговоре о русском прошлом). Демьян Бедный умел простодушно перефразировать прилагательно к Сталину известную поговорку о глазе народа. 25 октября 1937 г. он пишет стихотворение «Страна любится», в котором в высокопарном стиле «придворного поэта» заявляет:

¹ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)... С. 346. См. также: *Сталин И. В.* Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1997. Т. 14: 1934–1940. С. 184–185.

Народный голос, — он, как мощный водопад,
Как волн морских прибой, спокойно-музыкален.
Симфонией звучит предвыборный доклад.
Ликующий финал: «Народ наш гениален,
И знает он, кому даст первый свой мандат!»
В ответе громовом слилися стар и млад:
«Да здравствует товарищ *Сталин*»,
Наш гениальный вождь, наш первый депутат!¹

Все-таки, читая подобные вирши, невольно задумаешься над правотой старой поговорки, гласящей, что Бог шельму метит. Начиная свою творческую карьеру в начале XX в. с «верноподданнейших стихов», Ефим Алексеевич Придворов оправдал свою подлинную фамилию, войдя в советскую поэзию сталинской эпохи как самый откровенный «придворный» поэт, умевший угождать своему господину. В связи со сказанным можно вспомнить и о характерном апокрифе, связанном с рождением Демьяна Бедного. Советский общественный деятель и литературовед И. М. Гронский, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. являвшийся главным редактором газеты «Известия» и председателем Организационного комитета по подготовке Первого съезда советских писателей (в 1934 г.), пройдя сталинские лагеря и ссылки, на закате жизни утверждал, что Демьян Бедный — незаконнорожденный сын великого князя Константина Константиновича (поэта К. Р.) и графини Клейнмихель² (очевидно, Марии Эдуардовны).

В данном случае совершенно не принципиально, насколько это было правдой (особенно учитывая то обстоятельство, что великий князь был на двенадцать лет младше графини — придворной замужней дамы). Важнее отметить сам факт хождения среди советских литераторов подобной легенды. Оказывается, и оформители «социалистического реализма» в отечественной литературе не могли обойтись без мифов о наиболее известных придворных рапсодах...

¹ *Бедный Д.* Указ. соч. С. 371.

² *Нечаев В.* Ненаписанные воспоминания: [Беседы с И. М. Гронским] // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 106.

Впрочем, среди тех, кто писал в 1930-е гг. апологетические стихотворения в адрес вождя, тем самым содействуя формированию и утверждению «сталинского мифа», были и выдающиеся поэты. Например, Б. Л. Пастернак. В 1935 и в 1936 г. он написал два стихотворения, посвященных Сталину. Они не были столь примитивны, как вирши Демьяна Бедного. Это были глубокие философские рассуждения, в которых и само имя вождя почти не упоминалось (в первом стихотворении вообще не упоминалось). Начиная со слов об «артисте в силе», чью судьбу уже «под землю не займать», чьи боренья протекли «с самим собой» и кто «создан весь земным теплом», поэт далее писал:

А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье:
Поступок ростом в шар земной.
Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.
За этим баснословным делом
Уклад вещей остался цел.
Он не взвился небесным телом,
Не исказился, не истлел.
В собранье сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетия так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой¹.

Это стихотворение — гимн сверхчеловеку, замещающему «предшествующего пробел», исполнителю мечтаний прежде бывших героев («самых смелых»), при этом сохранившему в целостности «уклад вещей», тот единственный, к которому привыкли столетия.

¹ Пастернак Б. [Два стихотворения о Сталине] // Сталин: Pro et Contra... С. 295–296.

Второе стихотворение, столь же непростое, как и первое, содержит благодарность создателям нового мира, новых былей («спасибо предтечам / спасибо вождям»), в которые поэт течет всего лишь каплей:

Я понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.
И вечно, обвалом
Врываясь извне,
Великое в малом
Отдастся во мне.
И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин,
И эти стихи¹.

Для массового читателя такие стихи не подходили, но для «избранных» (интеллектуалов) — вполне. Сталин, знавший поэзию и контролировавший литературный процесс в СССР по крайней мере с середины 1930-х гг., не мог не понимать важности того, что восхваление его большими поэтами нельзя игнорировать. Перо, приравненное к штыку, должно было выполнять задачу созидания мифа о носителе высшей власти, данной ему «волею народа». Но мог ли этот носитель понять художника? Б. М. Сарнов, к примеру, полагал, что «ЧЕЛОВЕК ВЛАСТИ по самой природе своей, по коренному свойству своего мышления, по самому складу своей личности НЕСПОСОБЕН ПОНЯТЬ ХУДОЖНИКА»².

С этой сентенцией можно согласиться, лишь признав, что человек власти, сумевший создать идеологическую систему управления массами, подчинив массы своей воле, не может быть назван «созидателем», то есть «художником от политики». Но верно ли это?

¹ Там же. С. 297–298.

² Сарнов Б. Сталин и писатели. М., 2011. Кн. четвертая. С. 1167.

Вопрос сложный, не имеющий однозначного ответа. В конце концов, и Сталин был «художником», по мере сил участвовавшим в написании «политической картины» своего времени, которая и до сего дня соблазняет многих... О «художественных достоинствах» сей картины рассуждать здесь не будем, ведь в основе ее лежал миф о неизбежности «светлого будущего» и о том, кто это будущее приближает. Кроме того, вряд ли можно однозначно утверждать, что понимание кого-то (или чего-то) означает публичное признание этого кого-то (или чего-то). Отметим иное: иногда запоздалое признание «гениальности» вождя не могло спасти и гениального литератора.

Пример сказанному — О. Э. Мандельштам, в 1937 г. в воронежской ссылке составивший «Оду», посвященную Сталину. За четыре года до этого, в ноябре 1933 г., Мандельштам, правда, написал иное стихотворение о «кремлевском горце», но, как полагают современные исследователи, оно вряд ли дошло до «высочайшего» адресата. «Его утаили, руководствуясь политическим чутьем, “тонкошее вожди” из ОГПУ, чтобы не портить настроение своему хозяину»¹.

В «Оде» О. Э. Мандельштам предпринял максимальные усилия для того, чтобы создать «правильный» образ вождя, хотя и вне установившихся к тому времени «канонических рамок».

Хочу назвать его — не Сталин, — Джугашвили!
Художник, береги и охраняй бойца:
в рост окружи его сырым и синим бором
вниманья влажного. Не огорчи отца
недобрым образом иль мыслей недобором.
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,
кто мыслит, чувствует и строит.
Не я и не другой — ему народ родной —
народ-Гомер хвалу утроит.
<...>

¹ См. подр.: *Винницкий И.* Почему Мандельштам, чтобы оскорбить Сталина, назвал его осетином. Грузинские источники образа вождя из стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны». Расследование «Горького» // Горький (<https://gorky.media/context/pochemu-mandelshtam-chtoby-oskorbit-stalina-nazval-ego-osetinom/>).

Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
Для чести и любви, для воздуха и стали
есть имя славное для сильных губ чтеца.
Его мы слышали, и мы его застали¹.

Стихотворение не стало для О. Э. Мандельштама «охранной грамотой». В мае 1938 г. его арестовали вторично, в начале августа 1938 г. приговорив к пяти годам заключения в лагере. Оттуда поэт не вернулся, скончавшись за несколько дней до наступления 1939 г. Накануне ареста, в марте 1938 г., прозаик Петр Павленко писал в своей «внутренней», предназначенной для НКВД рецензии на поздние стихи Мандельштама: «Есть хорошие строки в “Стихах о Сталине”, стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных. В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине»².

К тому времени «тема о Сталине» стала одной из наиболее важных в советской литературе, хотя полновесной биографии вождя до конца 1930-х гг. еще не было создано. Считается, что Сталин ждал своей биографии от Максима Горького, но ему не удалось убедить «буревестника революции» написать ее³. После этого создание биографии было доверено Анри Барбюсу — французскому

¹ Мандельштам О. Ода // Сталин: Pro et Contra... С. 304, 306.

² См.: Лекманов О. Сталинская «ода». Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. (www.magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/3/stalinskaya-oda.html).

³ См.: Спиридонова Л. «Очень сожалею, что дело развалилось»: Как не был написан очерк Горького о Сталине // Независимая газета. 1998. 27 марта. С. 13. Кстати сказать, уже к концу 1930-х гг. информация о том, что М. Горькому поручалось написать биографию вождя, стала достоянием широких масс. Это нашло отражение в анекдоте. «Вызывает Сталин Горького и говорит: “Мы тут недавно прочитали ваш роман «Мать». Хороший роман, полезный. А не хотели бы вы написать роман под названием «Отец?» — “Ну... я попробую, попытаюсь”, — бормочет растерянный Горький. “Да, да, вы обязательно попытайтесь, товарищ Горький. Попытка не пытка, не правда ли, товарищ Берия?”» (Мельниченко М. Указ. соч. С. 208).

писателю-коммунисту, в 1933 г. избранному почетным иностранным членом Академии наук СССР. Насколько хорошо автор справился с поставленной задачей — вопрос отдельный. Важнее подчеркнуть иное: А. Барбюс оказался первым, кто попытался литературно оформить *миф о Сталине*, громогласно заявив о нем как о *сверхчеловеке*.

«Он и есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру»¹, — на первых же страницах заявлял писатель, приступивший к работе в год проведения XVII съезда ВКП(б), ставшего для Сталина, как уже говорилось, триумфальным, а для большинства его делегатов — последним. Думается, что славословия в честь вождя, прозвучавшие на XVII съезде, были одним из стимулов, помогавших А. Барбюсу создавать биографию-эпос «величайшего» и «значительнейшего» человека той эпохи, который вел за собой 170 миллионов, живших на 21 миллионе квадратных километров земной тверди. «Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это — самый знаменитый и в то же время почти самый неизвестный человек в мире»², — восклицал А. Барбюс.

Сказанное не может восприниматься иначе, чем характеристика человека, изложенная языком мифа. Если согласиться с мнением выдающегося культуролога и историка религий XX в. Мирча Элиаде, полагавшего, что «миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент»³, то необходимо будет признать «литературного Сталина», созданного стараниями А. Барбюса, фигурой сугубо мифологической. Тем более что «в целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные проявления священного (или сверхъестественного) в этом мире»⁴. Миф, как известно, рассказывая о *деяниях* сверхъестественных существ

¹ *Барбюс А.* Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. Третье издание. М., 1936. С. 12.

² Там же. С. 14.

³ *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2001. С. 33–34.

⁴ Там же. С. 34.

и о проявлении их могущества, «становится моделью для подражания при любом значительном проявлении человеческой активности»¹.

Русская революция, вызвавшая тектонические сдвиги в обществе, и была тем проявлением человеческой активности, требовавшей не столько логического, сколько психологического осмысления, которое для абсолютного большинства «трудящихся масс» могло быть достигнуто только благодаря «мифологической конструкции», неизменно предполагающей (и предусматривающей) присутствие направляющего движения «к сияющим высотам» героя-вождя, наделенного сверхспособностями и сверхталантами. Книга А. Барбюса может называться одной из первых попыток эту «мифологическую конструкцию» «презентовать» массовому читателю².

Книга состоит из восьми глав, первая из которых повествует о деятельности Сталина до революции и носит вполне обычное название: «Революционер царского времени». Но уже вторая не оставляет сомнений в том, что этот революционер — личность исключительная. Глава, разделенная на две части, называется «Гигант» и «Железная рука». Третья характеризует Сталина как представителя подлинного интернационализма и создателя братской семьи народов («Созвездие национальностей»). Четвертая рассказывает о трудностях, с которыми пришлось столкнуться «гиганту» в первые послереволюционные годы («1917–1922. Первые камни»). Пятая глава — о борьбе с врагами («Война с паразитической оппозицией»); шестая — о строительстве нового мира («1928–1934. Великие лозунги», с разделами: «Крестьянство» и «Что будет завтра?»). Наконец, две заключительные главы носят

¹ Там же.

² Следует отметить, что тираж третьего издания книги А. Барбюса, сданной в набор 20 июля 1936 г. и подписанной в печать 3 сентября 1936 г., составил 100 000 экземпляров. Первое и второе издания выходили меньшими тиражами (15 000 и 5000 экземпляров). Одновременно в № 4–5 «Роман-газеты» за 1936 г. книга А. Барбюса «Сталин» была издана тиражом в 300 000 тысяч экземпляров. Тогда же книга была издана Краевым издательством в Сталинграде (тираж 5500 экземпляров).

названия «Два мира» и «Человек у руля», повествуя о кардинальных отличиях первого в мире социалистического государства от стран, где господствовал капитал, и о вожде, стоящем во главе Страны Советов, о его характере, семье и вере.

Уже в первой главе книги Анри Барбюс подчеркивает «гениальное уменье» Сталина становиться на уровень своих слушателей, называя эту способность одной из глубочайших причин доверия, которое он всегда внушал массам¹.

Трудно сказать, знал ли А. Барбюс старую легенду, гласящую о том, что Будда, открывший четыре благородные истины: о страдании, причинах страдания, прекращении страдания и средствах к прекращению страдания, — умел говорить с каждым человеком на его интеллектуальном уровне — с мудрецом иначе, чем с простецом. При этом сила его проповеди была неотразима: после первого же поучения многие достигали высших ступеней святости. Сталин, судя по сказанному А. Барбюсом, как и Будда, был неотразим, становясь на уровень своих слушателей и проповедуя им марксистские истины. Что это были за истины, думается, менее важно, чем то, насколько слушатели были подготовлены к их пониманию и как их воспринимали. Мышление большинства оставалось внеисторичным, в основе своей будучи религиозным. Понимание «исторического прогресса» у большинства «строителей коммунизма» отсутствовало, замещаясь идеологическими построениями в духе христианского дихотомического мирозерцания, хотя и «переведенного» на «язык диалектического материализма»: надежда на «рай» должна была реализовываться в борьбе с конкретными («классовыми») представителями «ада» здесь, на земле. Победа в «земной битве» и означала приближение нового, совершенного, мира, который должен был стать наградой и воздаянием. «Перевернутая религиозность» требовала сотворения кумира, «заместившего» Бога. Этим «заместителем» и стал Сталин — «Ленин сегодня», — пришедший «исполнить волю» своего «духовного отца», «коммунистического предтечи» Советской России.

¹ Барбюс А. Указ. соч. С. 24.